

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 287-297
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.287

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Resettlement Case in Asian Russia: Imperial Format/Modernization Challenge

Aigul M. Zharken ^{a, *}, Michael K. Churkin ^{b, c}, Bakyt S. Tokmurzayev ^d, Gulnar B. Kozgambayeva ^e

^a L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

^b Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

^c Tobolsk Complex Research Station of the Ural, Branch of the Russian Academy of Sciences, Tobolsk, Russian Federation

^d Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Astana, Republic of Kazakhstan

^e Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article examines the socio-political and governmental discourses surrounding the resettlement issue, which were framed by the conservative segment of Russian society's understanding of population policies and strategies on the country's eastern borderlands in the second half of the 19th and early 20th centuries. Supporters of a “protective” approach to resettlement policy and agrarian migration in Russia, in the periodical press, presented a viewpoint according to which the spread of imperial influence in the borderlands served as a guarantor of social stability and national security, which was expressed in the advocacy of Russification patterns as a tool for cultural unification and the overcoming of separatist sentiments and social turbulence in peripheral regions. Consolidating this approach, the bureaucracy attempted to implement principles of domination and coercion over the population in the east of the empire, marking the Asian territories as a fiefdom – Russia's “own East”. The imperial format of Russian presence in the country's eastern outskirts also extended to the process of agrarian migration, which included both representatives of the long-standing segment of the population, diverse in ethnocultural terms, and settlers from Russia's European provinces, who included other ethnic and religious groups. The imperial approach to organizing resettlement affairs in the post-reform period also contained some elements of modernization, which was achieved by overcoming the isolation of the eastern outskirts as a result of railway construction, the economic and cultural potential of part of the resettlement community, and the growing professionalism of a new generation of imperial resettlement bureaucracy.

Keywords: socio-political discourse, government discourse, Asian Russia, empire, “own East”, modernization, resettlement affairs.

1. Введение

В. Сандерленд, рассуждая об историческом опыте российского продвижения к восточным окраинам империи и способах административной организации территориального пространства на рубеже XIX–XX столетий, отмечает, что завершение в этот период колонизации европейской части страны, в том числе и в аспекте создания единой управленческой системы, предполагало повышение эффективности управления путём перераспределения населения (Сандерленд, 2010: 132). В этой связи переселенческое движение в Сибирь, Степной край, Туркестан, до 1890-х гг. в значительной степени находившееся вне зоны государственного регулирования, стало рассматриваться в качестве

* Corresponding author

E-mail addresses: malikaia480@gmail.com (A.M. Zharken),
proffchurkin@yandex.ru (M.K. Churkin), b.tokmurza@gmail.com (B.S. Tokmurzayev)

одного из инструментов культурной политики империи, направленной на инкорпорацию региона и населения в общегосударственное пространство и социум.

Между тем в пореформенный период задачи интеграции восточных окраин, которые империя представляла как «собственный восток», приобретали особую актуальность ввиду очевидного несоответствия. В европейской части страны, в результате серии либеральных реформ 1860–1870-х гг., сложились предпосылки для модернизационных процессов в общественно-политической, экономической, социальной и культурной сферах, что находило выражение в учреждении земской организации, качественных преобразованиях правовой сферы, переходе от аграрной экономики к обществу индустриального типа. В то же время присоединение новых территорий на восточной периферии являлось фактором демонстрации имперского могущества, а крестьянские переселения, принявшие массовый характер в результате неблагоприятных аграрно-экологических явлений в центре страны, выступали инструментом сохранения традиционного уклада. Конфликт имперской модели, в основном определившей логику организации переселенческого дела, и элементов модерности, дозировано проникавших в азиатскую часть империи вследствие создания сети железных дорог, участия в переселениях иноэтничных мигрантов, повышения качества управления миграциями, составил предметную область настоящей статьи, цель которой заключается в выяснении соотношения имперской (архаичной) и современной составляющих переселенческого дела в Азиатской России во второй половине XIX – начале XX в.

2. Материалы и методы

В силу того, что тема организации переселенческого дела рассматривается в статье в системе координат сосуществования двух тенденций: имперских практик управления и конструирования ментального пространства азиатских окраин как «собственного Востока» России и модернизационных «вызовов» пореформенного периода, в центре нашего исследования – общественно-политический дискурс крестьянских миграций второй половины XIX – начала XX в., что обусловило обращение к текстам современников, репрезентировавших свои представления о состоянии и перспективах колонизационной политики и практики в переселенческом аспекте. Основным транслятором этих представлений являлись публикации в «охранительном» сегменте отечественной периодической печати («Русский вестник», «Московские ведомости»), миссионерских изданиях РПЦ (региональные епархиальные ведомости и журналы Православного миссионерского общества), отдельных очерках публицистов национал-консервативного толка (М. Венюков, Ф. Уманец и др.), задававших в середине XIX в. интонацию политики населения на окраинах в миграционном её контексте как резко критическую по отношению к либеральным проектам переселенческого дела. Российские национал-консерваторы во главе с идеологом движения М.Н. Катковым, используя прессу как «площадку» распространения идеи о продуктивности русификаторских подходов и практик в культурной политике на западных и восточных окраинах, оказывали опосредованное влияние на имперские подходы к разработке основ и принципов переселенческого дела в азиатской части России, активно включаемой в государственный оборот, что находило выражение в циркулярной практике и принятии решений по широкому спектру вопросов аграрных миграций (РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 389. Л. 31-173; РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1. Л. 15).

В качестве методологического «ландшафта» выбрано обращение к подходам новой имперской истории как исследовательского направления, сторонники которого предпочитают оценивать колонизационную деятельность Российской империи в отношении азиатской периферии вне контекста и содержания модернизации и вестернизации, поскольку Россия в означенный период сама являлась объектом западной культурной экспансии. Как отмечал С. Беккер, по отношению к своим «колонизуемым» территориям Россия вела себя «...так же, как Запад – по отношению к своим заморским соседям, т.е. как государство, чье технологическое и организационное превосходство не оставляло этим соседям шанса перед лицом его экспансионистского драйва» (Беккер, 2004: 69). В рамках империологии появляется возможность, опираясь на дискурс власти и общества, проследить, каким образом в проектах и практиках переселенческого дела в отдалённом географически и мультикультурном регионе происходил процесс преодоления культурных различий и насколько была готова империя к модернизационным вызовам.

3. Обсуждение

Переселенческое дело как сложная в организационном отношении система культурных проектов и административных практик Российской империи на восточных окраинах входило в орбиту исследовательских интересов историков в аспекте долгосрочной традиции изучения переселенческого движения во второй половине XIX – начале XX в. (Чуркин, 2006; Абашин, 2008; Белянин, 2016; Брежнева, 2018; Цыряпкина, 2022).

В текущий историографический момент становится оправданным интерес научного сообщества к имперскому измерению истории, в системе координат которого оказываются не столько формы политической организации пространства, сколько сложные блоки коммуникации между центром и окраинами, локальными сообществами и уровнями власти, акторами имперской политики, а также

способы трансляции представлений власти и общества о моделях освоения территорий и населения в дискурсивных практиках. В данном отношении переселенческое дело в Азиатской России как инструмент имперского утверждения в регионе может рассматриваться в двух аспектах. Во-первых, как маркировка империей колонизуемых пространств в качестве «своих», в отношении которых российское государство реализует практики доминирования и принуждения (Тольц, 2013; Чуркин, 2024). Во-вторых, включённость территорий азиатской периферии России в сложный формат «перераспределения» населения, потребность в культурном «освоении» новых пространств и людей способствовали пластичности и вариативности стратегий империи в реализации политики населения, что открывало перспективы для фрагментарной модернизации региональных структур империи и социума.

4. Результаты

Д. Майниг, маркируя лимитрофные зауральские пространства, прилегающие к восточным пределам России и вовлекаемые в государственный оборот с конца XVI в. в качестве «Московии на берегах северных рек...» (Meinig, 1969), наполнял данное определение довольно сложным содержанием. Во-первых, продвижение русской оседлости к азиатской периферии основной территории Московского царства/Российской империи в хронологических границах XVI – начала XX в. неизбежно сопровождалось трансляцией по отношению к новым регионам и подданным моделей политики населения, административного управления и форм социальной организации, сложившихся в европейской части страны. Даже проблемная адаптация имперских управленческих и культуртрегерских практик к местным условиям, с характерным дефицитом квалифицированных бюрократических кадров, не меняла сути дела: военное присвоение окраинных территорий требовало от центральной власти активных действий, направленных на встраивание этих территорий в общегосударственную систему управления, хотя бы для регулярного получения ясака в казну. Во-вторых, вовлечение азиатских окраин в ареал московской, а потом и российской экспансии, начиная со стартовых мероприятий в Зауралье на рубеже XVI–XVII вв., отчасти легитимировало власть московских государей, если не за счёт высокого происхождения, то в результате демонстрации масштабов владений, что фиксировалось в титулатуре периферийных, с точки зрения европейских политиков и интеллектуалов, монархов. Приобретение территорий и населявших восточные окраины племён урало-алтайского и палеоазиатского происхождения, вкупе с возрастающим притоком в новые земли «утеклецов» из разных мест, весьма пёстрой в этническом и профессиональном плане «прибранной» государством в различных целях публики, предполагало разработку некоего универсального алгоритма организации социума, который приобрёл отчётливые идеологические контуры только к середине XIX столетия. Практика освоения окраинных земель на востоке империи неуклонно подсказывала отечественным политическим элитам, что только через преодоление культурных различий и встраивание на регулярной основе местных сообществ в репликантный русский социум возможна инкорпорация этих территорий в общеимперскую систему координат.

Каким образом переселенческое дело как масштабный политический акт вписывалось в канву имперского дискурса освоения азиатской периферии и превращения её в «собственный восток России»? Почему переселения, как следует из формулировки названия статьи, рассматриваются нами в дихотомии: имперский формат/модернизационный вызов? На эти вопросы нет однозначного ответа, поэтому полагаем существенным выделить основные точки пересечения имперской и модернизационной парадигм организации переселенческого дела.

Общеизвестно, что ещё до начала Великих реформ, в 1830–1850-х гг., когда массовые аграрные миграции из центральной части страны на окраины казались весьма сомнительной и отдалённой перспективой, вызревали условия для включения переселений в широкую политическую программу деятельности империи на востоке. Дискуссии о цивилизованных и нецивилизованных народах, распространённые в сообществе европейских интеллектуалов, становление первого «непоротого» поколения в России и активная вовлечённость его в обсуждение мировых политических традиций, сепаратистские тенденции на западных окраинах империи (польское восстание 1830 г.), военное и дипломатическое поражение Российской империи в Крымской войне (1853–1856 гг.), выдающееся открытие Ч. Дарвина и утверждение эволюционистской теории, шагнувшей из естествознания в сферу объяснения логики истории отдельных народов и цивилизаций, – вот тот атмосферный фон, который в значительной степени определял отношение российской власти и общества к вопросам территориальной экспансии и империостроительства, среди которых «свой», такой близкий Восток, занимал особое место. Одним из продуктов интеллектуального дискурса, центральной темой которого являлись вопросы «что есть Россия» и «какова её судьба», конструируемого в специфическом историко-культурном контексте, стало формирование такой идентичности отечественной интеллигенции, в которой принадлежность к европейскому миру рассматривалась как органичный элемент принадлежности к цивилизации вообще. Осознание интеллектуальной элитой своей вплетённости в европейский мир соотносилось с представлениями имперской власти о значимости принадлежности к Европе, с той лишь разницей, что для самодержавия ориентиром выступали не столько научные и культурные «маяки» европейской цивилизации, сколько

колониальные владения и колониальный опыт крупнейших европейских держав. Формула имперской самодостаточности, выведенная с опорой на данный факт, сводилась к понятным тезисам: быть Европой – это значит владеть колониями; быть Европой – это значит первенствовать над Востоком; быть Европой – это значит выступать цивилизующей силой по отношению к варварскому Востоку, который должен стать «своим».

На этой идеологической платформе к середине XIX столетия в сообществе имперских экспертов – учёных, технократов, путешественников, публицистов – зарождается дискурс морального оправдания российской экспансии, в основе которого располагалось беспрекословное право цивилизованного человека, обладающего знанием о Востоке, на культурное преобразование населяющих восточные окраины империи народов. Логика просветительства, «привитая» в сознание российского образованного социума, преобразовалась в устойчивое мнение о высоком культуртрегерском потенциале русского народа и его особой цивилизаторской миссии в восточных регионах. Российский учёный-востоковед и имперский чиновник В.В. Григорьев в одной из своих публикаций определял потенциальных подданных Российской империи на её восточной периферии как «блуждающих во мраке невежества и суеверий, нуждавшихся в просвещении религией и наукой» (Григорьев, 1840: 7-8). По мнению эксперта, задачи цивилизованного «русского европейца» заключались в том, чтобы «...воспитать или перевоспитать, возродить или переродить большую часть народов этой стороны света..., возвысить их до себя, уподобить себе и слить в одно великое, святое семейство... устроить эти народы, научив грубых детей лесов и степей признавать благотворную власть закона» (Григорьев, 1840: 7-8).

Риторика оправдания экспансии и морального превосходства колонизаторов «собственного Востока России» в 1860–1870-х гг. приобрела монолитные формы усилиями российских национал-консерваторов, выведших на первый план лозунг безопасности империи. В российских периодических изданиях, редактируемых М.Н. Катковым («Русский вестник», «Московские ведомости»), активно педалировалась мысль о необходимости установления власти над народами, принадлежащими к неевропейскому культурному типу. При этом как достоинство Российской империи подчёркивалась способность к органическому (мирному) росту посредством смешения русских с покорёнными народами (Катков, 2009: 96). М.И. Венюков в 1877 г. уверенно утверждал: «Невозможно оспаривать, что три народа, русский, китайский и английский, своим господством над множеством самых разнообразных племён, принесли им и вообще человечеству самую большую пользу, вызвав к мирной жизни такие племена, которые в независимом состоянии были свирепыми варварами» (Венюков, 1877: 2).

Логика «цивилизаторской миссии» в контексте колонизации территорий и населения восточной периферии трансформировалась в формулу: «...прогрессивная европейская цивилизация даёт европейцам право не применять в своих отношениях с неевропейскими обществами те моральные и политические нормы, которые считались обязательными внутри Европы» (Тольц, 2013: 126). В данном плане обладание правом игнорировать моральные нормы иногда воплощалось в откровенно радикальные русификаторские представления. Глава Забайкальской миссии Вениамин цивилизаторские задачи определял так: «...даём (инородцам) русское имя с русским прозванием, отрезаем косу и, если есть средства, одеваем в русскую одежду, ...учим его по-русски молитвам» (Харлампович, 1905: 16). Оценивая перспективы аграрного освоения азиатских пространств, эксперты писали: «Если крестьянская колонизация повсеместно действует в таком направлении (архаическая форма хозяйства заменяется новой, более интенсивной), то сознательные элементы киргизского народа должны быть благодарны колонизации потому, что собственно их история не выдвинула более влиятельного культурного фактора, способного поднять народное благосостояние» (В.Н., 1863: 435).

Теоретическое оправдание русского цивилизаторства на восточных окраинах России, замешанное на имперском принципе оцентровывания подвластной территории и доминирования по отношению к подданным, служило объяснением последовательности процесса «обживания» и интеграции «собственного востока», в которой переселенческое дело выполняло значимую функцию задолго до старта организованных аграрных миграций во второй половине XIX в. Ф.М. Уманец, подчёркивая рельефно выраженный государственный характер российского продвижения к азиатской периферии, невольно обратился к имперскому прочтению модели освоения новых территорий: «Именно для того, чтобы облегчить движение на Восток, необходимо обставить его земледельческим населением, надёжным в политическом отношении... вслед за военным занятием страны должно идти занятие культурно-этнографическое. Русская соха и борона должны обязательно следовать за русскими знаменами, и точно так же, как горы Кавказа и пески Средней Азии не остановили русского солдата, они не должны останавливать русского переселенца» (Уманец, 1884: 33). Исторический опыт российской экспансии азиатских пространств за Уралом, воплотившийся в последовательном завоевании сибирских пространств, казахских степей и пустынь Туркестана, наглядно демонстрирует, что распространение земледельческих практик было подчинено, прежде всего, имперским целям, определяемых А. Эткиндоном как реализация сложного доминирования – не просто переселений профессиональных земледельцев в пределы колонизируемой

территории, а реализации с помощью земледельческого элемента функции культурной экспансии, гегемонии, ассимиляции в пределах государственных границ (Эткинд, 2016).

Аграрные переселения и институционализация переселенческого дела в масштабах азиатских окраин устраивались, разворачивались и сопровождалась властью парадоксально. С одной стороны, факт приобретения «своего Востока» интеллектуальными и политическими элитами России рассматривался как признак принадлежности к Европе и её колониальным практикам. С другой стороны, приращение за сравнительно короткий в историческом смысле временной отрезок обширной территории, прилегающей к ядру государства, вызывало во властных кругах и в среде имперских «охранителей» серьёзную озабоченность. Встраивание в имперское тело пространств с неопределёнными границами и мозаичным в этноконфессиональном отношении населением требовало регулярных действий по преодолению культурных различий, унификации населения, что само по себе могло выступить дестабилизирующим фактором. По справедливому утверждению исследователей, династическая форма правления, сложившаяся в России, исключала принцип нации как альтернативный источник легитимации власти (Малахов, 2016: 40; Беккер, 2004: 73-75). В данном контексте полное преодоление культурного разнообразия создавало реальную угрозу рождения национального государства, что находит подтверждение в организации имперской политики населения на окраинах вплоть до середины XIX столетия, когда российские власти старались не навязывать местным народам единых культурных моделей. Однако ситуацию коренным образом переломило развитие событий на западных окраинах империи, прежде всего в Царстве Польском, которое с 1830-х гг. становилось главной «площадкой» демонстрации национального сепаратизма. Польская «интрига» 1830 г., получившая продолжение в 1863 г., стимулировала рост национально-конфессиональной идентичности численно преобладавшего в Западном крае католического населения и рост в их среде антирусских и сепаратистских настроений. Таким образом, освобождение крестьян от крепостной зависимости в 1861 г., предоставление сельским обывателям возможности прекращения общинных отношений и свободы передвижений совпало по времени с волнениями в западной части государства и именно в таком компендиуме стало предметом серьёзной политической рефлексии империи.

Полагаем, что именно с польских волнений и крестьянской реформы, ратифицированной Манифестом 19 февраля 1861 г., имперский формат организации переселенческого дела в Азиатской России начинает приобретать отчётливые контуры государственной политики.

Во-первых, в национал-консервативном сегменте общественно-политического дискурса, инициированного изданиями М.Н. Каткова («Русский вестник», «Московские ведомости»), разворачивается широкая пропагандистская кампания, фиксировавшая резко критическое отношение к вероятным последствиям прекращения помещичьей опеки над крестьянством западных губерний России. Основной довод «охранителей» сводился к тому, что освобождения крестьян в этой части государства разовьёт среди них вредное бродяжничество и склонность к переселениям в другие губернии, сократив тем самым численность русско-православного элемента в политически нестабильном регионе (Катков, 1898). На страницах консервативной прессы в 1860-е гг. активно конструировался образ переселений как «русского дела», и складывание этого образа происходило последовательно. Так, М.Н. Катков в одной из передовых статей «Московских ведомостей» сформулировал общее отношение своей корпорации к переселенческому процессу: «...политические и вообще национальные интересы русского народа требуют, чтобы все люди империи равно чувствовали себя русскими, а для этого нужно не переселение крестьян из одних губерний в другие, а общая неуклонно-национальная политика русского правительства» (Катков, 1898: 500). Вместе с тем в консервативных кругах, при всём негативном отношении к переселениям, признавалась объективная неизбежность этого процесса и провозглашалась необходимость изыскивать средства для сдерживания переселенческой активности с целью поддержания стабильности на западных окраинах. Например, в заметке, посвящённой колонизации Кавказа, подчёркивалось, что колонизация этих территорий не должна отвлекать русские силы от Западного края: «Опустевшие горы западного Кавказа ожидают пришельцев, которые бы заселили их. Этими пришельцами будут отчасти русские, но нам кажется, что... отнюдь не желательно поощрять энергетическими мерами переселение русских на Кавказ. Пусть оно идёт своим чередом. Но в настоящую минуту... необходимо соблюдать меру в покровительстве русского переселения: поступать иначе значило бы оттягивать русские элементы от Западного края, где они более всего нужны... Нельзя упускать ни одного средства из тысячи возможных, чтобы достигнуть усиления русского элемента в Западном крае» (Катков, 1898: 500-501).

Во-вторых, российские «охранители», будучи противниками переселенческого движения, всегда чутко реагировали на настроения власти в этом вопросе, стараясь их учитывать. В пореформенный период, когда аграрные миграции стали реальным фактом, а ограничения передвижения лиц крестьянского звания были отменены, прилив крестьянства в земледельческие районы Западной Сибири и Степного края привёл к некоторой коррекции «запретительных» подходов к аграрным переселениям, исходящим от консервативных сил. Примечательно, что дискурс переселенческого дела в текстах и частных высказываниях представителей национал-

консервативного спектра «дрейфовал» от критики переселений как политического проекта империи к обсуждению этнического состава мигрантов. В своих рассуждениях на этот счёт российские «охранители» следовали по «маршруту» приоритета русского элемента в переселенческом процессе и дискредитации иных этнических сообществ как субъектов аграрных миграций. Этот взгляд сложился первоначально в отношении переселенцев из губерний Западного края, которые вызвали неоднозначную реакцию в консервативных группах российского общества и власти. Оказывая противодействие попыткам крестьян западных губерний переселяться в Сибирь и Степной край, политические элиты и имперская бюрократия весьма позитивно оценивали перспективы аграрных миграций мелких землевладельцев Минской, Харьковской, Гродненской и др. губерний (РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 389. Л. 31-173). А.Н. Куломзин, основываясь на результатах своей поездки по Сибири, писал: «Целое множество примеров из прошлого колонизационной политики и в том числе неудачная попытка в 1840-х гг. даровой раздачи казённых земель малоимущим дворянам указывает, насколько непригодным для колонизационных целей элементом являются малообеспеченные классы населения, не обладающие достаточными средствами для обработки земли. При насаждении в Сибири частного землевладения нужно стремиться к привлечению такого контингента лиц, который соединял бы знания улучшенных способов ведения сельского хозяйства и необходимый оборотный капитал... В Сибири не имеется вовсе образованных людей, крепких к земле в силу тесной связи с ней их личных материальных интересов. Класс интеллигентных землевладельцев преимущественно из дворян явится тем консервативным элементом, который всюду служит для государственной власти опорой для поддержания равновесия среди постепенно нарождающихся прогрессивных, но не всегда имеющих под собой твёрдую почву веяний» (РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 389. Л. 41 об.-42). При этом невысокая продуктивность дворянского землевладения и земледелия влияла и на приоритеты «охранителей» в выборе главного субъекта переселений на восточные окраины империи. С 1880–1890-х гг. национал-консерваторы начинают усиленно продвигать тезис: «Только та земля является русской, где прошёл плуг её пахаря». Характерно, что ставка на русское крестьянство в дискурсе переселенческого дела, как в масштабах России, так и в пределах периферийных регионов, сопровождалась резко критическим отношением к иноэтничным мигрантам – чехам, полякам, литовцам, немцам – сообществам, исторически зарекомендовавшим себя в качестве успешных колонистов. Суммированно представления об иноэтничных переселенцах как нежелательном элементе в миграциях сформулировал журналист «Русского вестника» А. Липранди, который, отмечая высокий уровень организации чехов как колонистов, не преминул поставить им в вину факт строительства пивоваренных заводов, способствовавших распространению пьянства среди русского населения, что позволило ему резюмировать: «Против чехов, этих братьев наших по племени, мы ничего, конечно, иметь не можем и не имеем, но на дальнейшее заселение ими Волыни мы не можем смотреть равнодушно, ибо оно совершается в ущерб коренному русскому населению, а потому весьма желательно бы было, чтобы чешские эмигранты направляли свой путь не на Волынь, а куда-либо в другие места» (Липранди, 1891: 138).

В условиях отдалённых окраин на востоке страны дискурс дискредитации иноэтничных аграрных мигрантов также разворачивался в системных границах русификаторской риторики, обретая некоторые особенности. И сторонники консервативного курса, и имперские власти отдавали себе отчёт в том, что широкое распространение земледельческих практик в отдалённых и слабо включённых в общероссийскую инфраструктуру территорий трудно осуществимо без обращения к «услугам» представителей консолидированных этнолокальных и этноконфессиональных сообществ немцев, латышей, эстонцев, литовцев, поляков, чехов и т.д., обладавших колонизационным опытом и ориентированных на достижение экономического успеха в новых жизненных обстоятельствах. Вместе с тем невозможность культурной интеграции иноэтничных мигрантов как определяющего условия имперской стабильности и безопасности направляла власти к политике изоляции названных групп, что объяснялось необходимостью поддержки русского православного населения и перевешивало по значимости любые эффекты экономической модернизации. Так, Л. Тихомиров в 1902 г. писал: «В тех местностях, где православная масса сплочена и где в исторических условиях не имеется ничего особенно неблагоприятного для действия православной Церкви, мы можем быть удовлетворены положением, открываемым статистическими данными за последние 30 лет. Но там, где инославие или иноверие является очень могущественным, – мы не можем иногда не испытывать тревожного чувства... В таких угрожаемых местностях представители всех ведомств и чинов отнюдь не позволяли себе вида индифферентизма или даже предпочтения к иноверцам, но являлись в своем личном и служебном поведении тем, чем должны быть по закону слуги и агенты православного государства» (Тихомиров, 1902: 446). В сообщении тобольского губернатора в Переселенческое управление (1910 г.) говорилось: «Благодаря разнородному по религии, экономической, духовной культуре населению, задерживается нормальное развитие поселка, причем численно слабейшая сторона нередко подавляется в ее культурно-экономических начинаниях. Я признал необходимым... селить переселенцев нерусской национальности и неправославных при значительных их партиях на отдельных от русского православного населения участках» (РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1. Л. 15). Крестьянский начальник Тарского уезда, информируя губернскую администрацию о поступившем

прошении немцев-переселенцев о водворении на выбранном им участке, препровождал его следующим комментарием: «Из изложенного явствует, что просители желают устроиться лишь при благоприятных условиях, между тем как они при своей культуре были бы хорошими колонизаторами и для менее благоприятных в этом отношении местностей, таких как Тарский уезд. По сему, считаю необходимым предоставить им право выбрать в пределах Тарского уезда из свободного фонда тот или иной участок» (РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1. Л. 12).

В целом, настаивая на преобладании имперской составляющей в организации переселений и переселенческого дела в Азиатской России, нельзя не отметить и некоторые элементы включения в имперский формат реализации политики аграрного освоения восточной периферии модернизационных элементов, которые во многом являлись производным долгосрочного государственно-имперского доминирования.

Народные переселения на окраины в дореформенную эпоху и первые десятилетия после отмены крепостного состояния в 1861 г. носили нелегитимный, самовольный характер. Для «утеклецов» периода Московского царства и Российской империи акт переселений в районы азиатской периферии часто являлся вынужденным, сопровождался временным разрывом с традиционным укладом, социокультурными привычками и установками. В условиях отдалённых, слабо вовлечённых в государственное пространство территорий, несколько поколений мигрантов из европейской части страны сливались в старожильский хозяйственно-культурный комплекс, акторы которого научились жить и хозяйствовать в обстоятельствах независимости и отстранённости от государства и любых форм вмешательства в их производственную деятельность. Доскональное знание местных природно-географических и климатических условий, наличие земельного простора продолжительный период времени являлись гарантом экономического успеха и продуктом личной свободы данной категории крестьянства, не знавшей крепостного права.

Архаизация старожильского аграрного опыта, ставшая результатом «хищнической» модели эксплуатации земельных ресурсов, до некоторой степени была приостановлена новым витком переселенческого движения в пореформенный период, когда аграрные мигранты из европейских губерний привнесли в земледельческие практики более сложные приёмы обработки пашни, внедряя новые технологии земледелия и орудия труда, обеспечившие временный рост производительности. Дополнительным аргументом трансляции модерна в переселенческое дело стало участие в миграциях и хозяйственном освоении Западной и Восточной Сибири, Степного края и Туркестана упомянутых выше иноэтничных мигрантов, а также религиозных диссидентов (старообрядцев и раскольников), предложивших оригинальные модели организации аграрного производства. А.А. Кауфман, совершавший экспертные поездки в переселенческие посёлки, составленные из иноэтничных мигрантов, сообщал: «В глухом Тарском урмане мне пришлось попасть в только что возникшие посёлки латышей; за один год латыши расчистили из-под густого леса широкие квадраты пахотных полей,... эти поля были разбиты на полосы, на которых были произведены посевы мудреного плодосеменного севооборота; на усадьбах, кроме чистых и просторных домов были готовые теплые хлева и сеновалы, – словом, можно было вообразить себя где-нибудь в окрестностях Дерпта или в имении новгородского помещика...» (Кауфман, 1905: 242). В одном из епархиальных отчётов фиксировалось, что «в материальном отношении сектанты живут много лучше православных; среди них встречаются крупные богачи и капиталисты. Городские сектанты имеют торговли, мельницы... На участках занимаются хлебопашеством и скотоводством в обширном размере... Бедных братьев поддерживают деньгами и хлебом... К чести сектантов, все они ведут трезвый образ жизни и отличаются большим трудолюбием...» (Отчёт..., 1910: 16).

Существенным фактором модернизации в контексте переселенческого дела стало сооружение Транссибирской магистрали (1891–1900-е гг.), что способствовало не только изменению вектора переселенческого движения и более интенсивному включению зауральских территорий в общеимперское пространство и модернизационные процессы. Очевидно, что в 1890-е гг. наметилась тенденция, в соответствии с которой восточные окраины стали рецептироваться обществом и частью имперской бюрократии в категориях «модерна». Переселенческий чиновник В.Ф. Романов, характеризуя предшествующий (1860–1880-е гг.) этап организации переселенческого дела, писал: «Несчастливая наша централизация и плохое вообще понимание окраинных условий порождали ничем не оправдываемый взгляд на Сибирь, степные области, Туркестан как на обычные Российские губернии» (Романов, 2012: 146). И далее, комментируя результаты общения с Приморским военным губернатором П.Ф. Унтербергом: «На наши окраины он (Унтербергер) смотрел как на запас для будущих далеких поколений России; считал, что форсировать их колонизацию незачем; иностранного капитала боялся как хищника, который разграбит русские богатства. Что природа не терпит пустоты, что если не мы, то наши желтые соседи протянут руку за нашими втуне лежащими богатствами – об этом он не думал. Одним словом, несомненный честный русский патриот, каковыми были многие из наших прибалтийских немцев, Унтербергер не имел в своей натуре “колониционной изюминки”» (Романов, 2012: 172).

С образованием Переселенческого управления МВД в 1896 г., ставшего в определённой степени отечественным аналогом министерства колоний в западноевропейских государствах, в России

стремительно формировалось сообщество имперских чиновников нового типа, которые активно включались в нужды и чаяния населения окраинных регионов империи. Именно с созданием этого учреждения резко активизировалась экспертиза восточных окраин Российской империи, направленная на выявление свободного земельного фонда, что требовало всестороннего изучения региона в естественно-географическом, этнографическом, социально-экономическом и культурном отношениях. Результатом такой работы становилась консолидация образованной части России в решении широкого спектра региональных проблем в контексте модернизационных изменений конца XIX – начала XX в., а в практической плоскости складывалась публичная сфера дискурса переселенческого дела, распространялись демократические формы взаимодействия власти и общества, реализуемые в сфере аграрной политики и переселенческого движения.

5. Заключение

Резюмируя, отметим, что переселенческое дело в Азиатской России во второй половине XIX – начале XX в. реализовывалось в формате имперской политики с характерными для неё правилами доминирования, принуждения и подчинения в отношениях к подданным, при этом неся в своей организации отдельные признаки модернизации, с «вызовами» которой Россия столкнулась в пореформенный период. Представления о миграционных процессах в Российской империи, в том числе на её восточных окраинах, конструировались преимущественно в национально-консервативном дискурсе и транслировались имперской властью в сфере переселенческого дела. Основным паттерном дискурса и практик управления переселенческим процессом являлась маркировка азиатской периферии как «собственного востока России», в отношении территорий и подданных которого империя осуществляет культуртрегерские действия. В осуществлении такого варианта политики российские власти в азиатской части страны опирались на практики русификаторства, имевшие достаточно обширный «маршрут». В переселенческом деле они проявлялись в стремлении сделать ставку на представителей титульного этноса – русское дворянство и крестьянство, максимально ограничить в правах иноэтничных мигрантов, извлекая практическую пользу от данных сообществ в экономической сфере.

Вместе с тем историческая логика заселения восточных окраин и их функция укрытия от государства создавала относительно благоприятные условия для распространения отдельных элементов экономической модернизации, носителями которой в дореформенные годы являлись крестьяне-старожилы, пёстрое в этнокультурном и профессиональном плане сообщество, выработавшее набор адаптивных практик в сфере аграрного предпринимательства.

Значимым, с нашей точки зрения, является то, что модернизационные тенденции в Азиатской России носили дискретный характер. Архаизация форм хозяйственной деятельности старожилого сегмента населения восточных окраин отчасти была приостановлена широким включением в региональное аграрное производство переселенцев из европейских губерний России, получивших личную свободу в 1861 г.; культуртрегерская слабость и неприспособленность переселенческих хозяйств русских крестьян к местным условиям корректировались инновационными практиками иноэтничных мигрантов и религиозных диссидентов.

Модернизационные «прорывы» в организации переселенческого дела в конце XIX – начале XX в. обеспечивались установлением более тесных связей между центром и окраинами средствами железнодорожного сообщения и ротации имперской бюрократии, активизировавших экспертно-экспедиционную деятельность и продвижение модернизационных проектов в области земледельческого хозяйства.

Однако, несмотря на перечисленные сдвиги модернизационного свойства, необходимо признать, что в условиях активного продвижения России в восточном направлении они носили периферийный характер, что было обусловлено имманентной спецификой российской политики, направлявшей социум по пути консервации традиционного уклада во всех сферах жизни.

Литература

Абашин, 2008 – Абашин С.Н. Размышления о «Центральной Азии в составе Российской империи» // *Ab Imperio*. 2008. № 4. С. 456-471.

Беккер, 2004 – Беккер С. Россия и концепт империи // *Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей (Библиотека журнала «Ab Imperio»)* / Под ред. И.В. Герасимова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. Казань, 2004. С. 67-81.

Белянин, 2016 – Белянин Д.Н. Государственная политика аграрно-крестьянских переселений в Западную Сибирь в 1861–1917 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2016. 696 с.

Брежнева, 2018 – Брежнева С.Н. Отражение идеи аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XI–XX вв. // *Вестник РУДН. Сер.: История России*. 2018. Т. 17. № 3. С. 608-638.

В.Н., 1863 – В.Н. Интересы русской народности в Западном крае // *Русский вестник*. 1863. Т. 47. С. 428-436.

- Венюков, 1877 – Венюков М.И. Очерк политической этнографии стран, лежащих между Россиею и Индиею. СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1877. 22 с.
- Григорьев, 1840 – Григорьев В.В. Об отношении России к Востоку: Речь, произнесённая исправляющим должность профессором В. Григорьевым. Одесса, 1840. 18 с.
- Катков, 1898 – Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. М., 1898. 1877–1884 гг. 671 с.
- Катков, 2009 – Катков М.Н. Идеология охранительства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 800 с.
- Кауфман, 1905 – Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. 349 с.
- Липранди, 1891 – Липранди А. Чешская колонизация на Волыни // *Русский вестник*. 1891. Т. 217 (ноябрь). С. 136-144.
- Малахов, 2023 – Малахов В. Политика различий. Культурный плюрализм и идентичность. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 288 с.
- Отчёт..., 1910 – Отчёт Омского епархиального противосектантского и противораскольничьего миссионера Д. Несмеянова о состоянии сектантства и раскола в Омской епархии и деятельности миссионеров за 1909 г. // *Омские епархиальные ведомости*. 1910. № 9. С. 8-22.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Романов, 2012 – Романов В.Ф. Старорежимный чиновник. Из личных воспоминаний от школы до эмиграции, 1874–1920 гг. СПб.: Нестор-История, 2012. 336 с.
- Сандерланд, 2010 – Сандерланд В. Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700 – 1917): Сб. ст.* Ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М.: НЛО, 2010. 392 с.
- Тихомиров, 1902 – Тихомиров Л. Вероисповедный состав России и обязательность для русского государства исторической вероисповедной политики // *Миссионерское обозрение*. 1902. № 4. С. 442-449.
- Тольц, 2013 – Тольц В. «Собственный восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский период. М., 2013. 336 с.
- Уманец, 1884 – Уманец Ф. М. Колонизация свободных земель России. СПб.: Б.м., 1884. 243 с.
- Харлампович, 1905 – Харлампович К.В. О христианском просвещении инородцев: переписка архиепископа Вениамина Иркутского с Н.И. Ильминским // *Православный собеседник*. 1905. Вып. 7/8. С. 1-38.
- Цыряпкина, 2022 – Цыряпкина Ю. Н. «Борьба за русское дело»: имперская колонизация Туркестана // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10. № 5. С. 1625-1641.
- Чуркин, 2006 – Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. 376 с.
- Чуркин, 2024 – Чуркин М.К. Сценарии имперской инкорпорации Азиатской России в дискурсе юбилейных торжеств, посвященных 300-летию присоединения Сибири (1881–1882 годы) // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2024. Т. 23. № 1. С. 120-129.
- Эткинд, 2016 – Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 448 с.
- Meinig, 1969 – Meinig D.W. Macrogeography of Western Imperialism: Some Morphologies of Moving Frontiers of Political Control. Melbourne, 1969. 296 p.

References

- Abashin, 2008 – Abashin, S.N. (2008). Razmyshleniya o «Tsentral'noi Azii v sostave Rossiiskoi imperii» [Reflections on "Central Asia as part of the Russian Empire"]. *Ab Imperio*. 4: 456-471. [in Russian]
- Bekker, 2004 – Bekker, S. (2004). Rossiya i kontsept imperii [Russia and the concept of empire]. *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: Sb. statei (Biblioteka zhurnala «Ab Imperio»)*. Pod red. I.V. Gerasimova, A.P. Kaplunovskogo, M.B. Mogil'ner, A.M. Semenova. Kazan'. Pp. 67-81. [in Russian]
- Belyanin, 2016 – Belyanin, D.N. (2016). Gosudarstvennaya politika agrarno-krest'yanskikh pereselenii v Zapadnuyu Sibir' v1861–1917 gg. [State policy of agrarian-peasant resettlement to western Siberia in 1861–1917]: dis. ... d-ra ist. nauk. Tomsk. 696 p. [in Russian]
- Brezhneva, 2018 – Brezhneva, S.N. (2018). Otrazhenie idei akkul'turatsii v pereselencheskoi politike Rossiiskoi imperii v Turkestane na rubezhe XI–XX vv. [Reflection of the idea of acculturation in the resettlement policy of the Russian Empire in Turkestan at the turn of the XI-XX centuries]. *Vestnik RUDN. Ser.: Istoriya Rossii*. 17(3): 608-638. [in Russian]
- Churkin, 2006 – Churkin, M.K. (2006). Pereseleniya krest'yan chernozemnogo tsentra Evropeiskoi Rossii v Zapadnuyu Sibir' vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: determiniruyushchie faktory migratsionnoi mobil'nosti i adaptatsii [Resettlement of peasants from the Black earth center of European Russia to Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries: determining factors of migration mobility and adaptation]. Омск: Изд-во ОмГПУ. 376 p. [in Russian]

- Churkin, 2024** – *Churkin, M.K.* (2024). Stsenarii imperskoi inkorporatsii Aziatskoi Rossii v diskurse yubileinykh torzhestv, posvyashchennykh 300-letiyu prisoedineniya Sibiri (1881–1882 gody) [Scenarios of the imperial incorporation of Asian Russia in the discourse of the jubilee celebrations dedicated to the 300th anniversary of the annexation of Siberia (1881–1882)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 23(1): 120-129. [in Russian]
- Etkind, 2016** – *Etkind, A.* (2016). Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskii opyt Rossii [Internal colonization. Imperial experience of Russia]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 448 p. [in Russian]
- Grigor'ev, 1840** – *Grigor'ev, V.V.* (1840). Ob otnoshenii Rossii k Vostoku: Rech', proiznesennaya ispravlyayushchim dolzhnost' professorom V. Grigor'evym [On Russia's attitude toward the East: a speech delivered by professor V. Grigor'ev, the acting professor]. Odessa. 18 p. [in Russian]
- Katkov, 1898** – *Katkov, M.N.* (1898). Sobranie peredovykh statei Moskovskikh vedomostei [Collection of editorial articles of the Moskovskie Vedomosti]. M. 1877–1884 gg. 671 p. [in Russian]
- Katkov, 2009** – *Katkov, M.N.* (2009). Ideologiya okhranitel'stva [Guardian ideology]. M.: Institut russkoi tsivilizatsii. 800 p. [in Russian]
- Kaufman, 1905** – *Kaufman, A.A.* (1905). Pereselenie i kolonizatsiya [Resettlement and colonization]. SPb. 349 p. [in Russian]
- Kharlampovich, 1905** – *Kharlampovich, K.V.* (1905). O khristianskom prosveshchenii inorodtsev: perepiska arkhiepiskopa Veniamina Irkutskogo s N.I. Il'minskim [On the Christian enlightenment of foreigners: correspondence between Archbishop Veniamin of Irkutsk and N.I. Ilminsky]. *Pravoslavnyi sobesednik*. 7/8: 1-38. [in Russian]
- Liprandi, 1891** – *Liprandi, A.* (1891). Cheshskaya kolonizatsiya na Volyni [Czech Colonization in Volyn]. *Russkii vestnik*. T. 217 (noyabr'): 136-144. [in Russian]
- Malakhov, 2023** – *Malakhov, V.* (2023). Politika razlichii. Kul'turnyi plyuralizm i identichnost' [The politics of difference: cultural pluralism and identity]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 288 p. [in Russian]
- Meinig, 1969** – *Meinig, D.W.* (1969). Macroeography of Western Imperialism: Some Morphologies of Moving Frontiers of Political Control. Melbourne. 296 p.
- Otchet..., 1910** – Otchet Omskogo eparkhial'nogo protivosektantskogo i protivoraskol'nich'ego missionera D. Nesmeyanova o sostoyanii sektantstva i raskola v Omskoi eparkhii i deyatelnosti missionerov za 1909 g. [Report of the Omsk Diocesan Anti-Sectarian and Anti-Schismatic Missionary D. Nesmeyanov on the state of sectarianism and schism in the Omsk diocese and the activities of missionaries in 1909]. *Omskie eparkhial'nye vedomosti*. 1910. 9: 8-22. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Romanov, 2012** – *Romanov, V.F.* (2012). Starorezhimnyi chinovnik. Iz lichnykh vospominanii ot shkoly do emigratsii, 1874–1920 gg. [An old regime official. From personal memories from school to emigration, 1874–1920]. SPb.: Nestor-Istoriya. 336 p. [in Russian]
- Sanderland, 2010** – *Sanderland, V.* (2010). Ministerstvo Aziatskoi Rossii: nikogda ne sushchestvovavshee, no imevshee dlya etogo vse shansy kolonial'noe vedomstvo [The Ministry of Asian Russia: a colonial agency that never existed, but had every chance of doing so]. *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossiiskoi imperii (1700 – 1917): Sb. st. Red. Martin Aust, Rikarda Vul'pius, Aleksei Miller*. M.: NLO. 392 p. [in Russian]
- Tikhomirov, 1902** – *Tikhomirov, L.* (1902). Veroyispovednyi sostav Rossii i obyazatel'nost' dlya russkogo gosudarstva istoricheskoi veroyispovednoi politiki [The religious composition of Russia and the obligation of historical religious policy for the Russian state]. *Missionerskoe obozrenie*. 4: 442-449. [in Russian]
- Tol'ts, 2013** – *Tol'ts, V.* (2013). «Sobstvennyi vostok Rossii»: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii period [“Russia's own east”: identity politics and oriental studies in the late imperial period]. M. 336 p. [in Russian]
- Tsyryapkina, 2022** – *Tsyryapkina, YuN.* (2022). «Bor'ba za russkoe delo»: imperskaya kolonizatsiya Turkestana [“The struggle for the Russian cause”: imperial colonization of Turkestan]. *Quaestio Rossica*. 10(5): 1625-1641. [in Russian]
- Umanets, 1884** – *Umanets, F.M.* (1884). Kolonizatsiya svobodnykh zemel' Rossii [Colonization of Free Lands of Russia]. SPb.: B.m. 243 p. [in Russian]
- V.N., 1863** – *V.N.* Interesy russkoi narodnosti v Zapadnom krae [Interests of the Russian people in the Western Region]. *Russkii vestnik*. 47: 428-436. [in Russian]
- Venyukov, 1877** – *Venyukov, M.I.* (1877). Ocherk politicheskoi etnografii stran, lezhashchikh mezhdru Rossieyu i Indieyu [Essay on the political ethnography of the countries lying between Russia and India]. SPb.: tip. V. Bezobrazova i K°. 22 p. [in Russian]

**Переселенческое дело в Азиатской России: имперский формат/
модернизационный «вызов»**

Айгүл Мәлікқызы Жаркен ^{a, *}, Михаил Константинович Чуркин ^{b, c, *}, Бакыт Салманович Токмурзаев ^d,
Гульнар Бестибаевна Козгамбаева ^e

^a Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан.

^b Омский государственный педагогический университет, Омск, Российская Федерация

^c Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, Тобольск, Российская Федерация

^d Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, Республика Казахстан

^e Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Статья посвящена общественно-политическому и властному дискурсам переселенческого дела, которые строились в формате представлений консервативной части российского социума о стратегиях и практиках политики населения на восточных окраинах страны во второй половине XIX – начале XX в. Сторонники «охранительного» курса переселенческой политики и аграрных миграций в России репрезентировали на страницах периодической печати точку зрения, в соответствии с которой распространение имперского влияния на окраинах выступало гарантом общественной стабильности и государственной безопасности, что выражалось в отстаивании паттернов русификации как инструмента культурной унификации и преодоления сепаратистских настроений и социальной турбулентности в периферийных регионах. Чиновная бюрократия, консолидируясь с подобным подходом, пыталась реализовать на востоке империи принципы доминирования и принуждения по отношению к населению, маркируя азиатские территории как вотчину – «собственный Восток» России. Имперский формат российского присутствия на восточных окраинах страны распространялся и на процесс аграрных миграций, в который были включены как представители старожильческого сегмента населения, мозаичного в этнокультурном отношении, так и переселенцы из европейских губерний России, вмещавшие в свой состав иноэтничные и иноконфессиональные группы. Имперский подход к организации переселенческого дела в пореформенный период содержал и некоторые элементы модернизации, что было обеспечено преодолением изоляции восточных окраин в результате железнодорожного строительства, экономического и культурного потенциала части переселенческого сообщества, роста профессионализма новой генерации имперской переселенческой бюрократии.

Ключевые слова: общественно-политический дискурс, властный дискурс, Азиатская Россия, империя, «собственный Восток», модернизация, переселенческое дело.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: malikaia480@gmail.com (А.М. Жаркен),
proffchurkin@yandex.ru (М.К. Чуркин), b.tokmurza@gmail.com (Б.С. Токмурзаев)